

ДИСКУССИЯ

Своеобразным «гвоздем» 16-го номера «Левой политики» оказалась дискуссия, начатая статьями Петра Сафронова и Ирины Юрьевой «Левый активизм как демобилизация» и Кирилла Мартынова «Стокгольмский синдром левого движения». Оба текста, написанные представителями «молодых академических кругов», вызвали вполне ожидаемую критику со стороны других авторов, в большей степени принадлежащих к активистской культуре.

Разделение это, конечно, довольно условно, но именно так распределились роли на первом этапе дискуссии. Между тем число желающих высказаться продолжало расти, а спектр мнений расширялся так же, как менялась и «конфигурация» занимаемых позиций. Редакции ничего не оставалось, как продолжить дискуссию, перенеся публикацию части материалов в №17-18, который отчасти из-за этого и вышел больше обычного.

Когда всем хорошо

Станислав Кувалдин

Одним из положительных последствий многих дискуссий оказывается возможность увидеть многие детали и явления, не относящиеся прямо к предмету спора, но выявляемые в процессе полемики. Это в полной мере относится и к дискуссии, завязавшейся вокруг статьи Кирилла Мартынова «Стокгольмский синдром левого движения». Ответ Петра Сафронова и Ирины Юрьевой «Левый активизм как демобилизация» и статья Елены Галкиной «Игра в бисер без свойств» позволили обратить внимание на многие особенности положения левой идеи в России и самоощущения самих левых. Впрочем, синергетический эффект от этой дискуссии не ограничивается выяснением лишь этих обстоятельств.

Разумеется, констатация невесело-

го положения, в котором оказались левые, характерна для всех участников. Собственно это и породило дискуссию. Каждый, однако, предлагает собственное объяснение причин. Если быть кратким, то объяснение Кирилла Мартынова сводится к тому, что левые по-прежнему уповают на чуждое им государство, и «в актуальной российской действительности значительная часть левой политики строится по модели арьергардного боя вокруг вопроса о том, кто лучше защищает и соответствует интересам наиболее пассивной части общества». Сафронов и Юрьева в качестве рецепта предлагают отказаться от традиционных мер борьбы («каждый митинг левых сил... похож на встречу старых друзей/капустник/провинциальную дискотеку, но только

не на политическое мероприятие») в пользу нетрадиционных («основной вектор новой левой теории должен определяться, на наш взгляд, признанием того, что культура труда окончательно ушла в прошлое. Современное массовое общество существует в условиях *культуры праздности*, язык и содержание которой как раз и предстоит освоить демобилизованному активизму»). Елена Галкина, анализируя обе статьи, приходит к выводу, что одна из важных причин плачевного состояния левого движения — отсутствие серьезных целей у самих носителей левой идеи. У многих есть хобби, банальное или оригинальное — уже не суть. Один собирает марки, другой на мечях бьётся, собственноручно выкованных, третий играет в «левое движение» в офисных курилках и социальных сетях.

Отчасти плач на реках Вавилонских, который практикуют все левые, характеризуя положение, в котором оказалась левая идея после краха социализма, давно превратился в род ритуала. Во всяком случае, многие из тех, кто считает себя приверженцем левых взглядов и сокрушается от того, что эти взгляды не находят себе должного применения в современной общественной жизни, едва ли испытывает от этого большой дискомфорт. Во всяком случае, для того, чтобы рассуждать подобно Сафронову и Юрьевой о «культуре праздности и утверждать, что левые «должны действовать там, где они живут, работают и пьют кофе», надо очень любить и ценить свое место в мире, предоставляющее возможность для праздности и ежедневного выпивания кофе. Это выглядит особенно кричащим, когда в качестве акта борьбы предлагается «фотографирование бомжей на фоне

роскошных новостроек».

Кирилл Мартынов, справедливо или нет обвиняя левых в патерналистских настроениях и инфантилизме и приводя пример лозунга сиэттлских антиглобалистов «давайте отменим капитализм и придумаем что-нибудь получше», сам в качестве альтернативы предлагает объединяться через интернет. Во всяком случае, к этому в конечном итоге сводятся его предложения о «развитии public sphere, т.е. сферы общественного, но неподконтрольного государству консенсуса».

Стоит вспомнить, что демонстрация антиглобалистов в Сиэтле когда-то стала первым заметным проявлением в развитом мире массового антикапиталистического движения после краха социалистической системы. В этом смысле они имели право на инфантилизм и даже отсутствие серьезных целей. Лозунг «Давайте отменим капитализм и придумаем что-нибудь получше» тогда был важен именно потому, что в первой половине 1990-х к капитализму стали относиться, как к единственно возможной реальности, когда сама постановка вопроса о ее «отмене» выглядит кощунством. Если через 20 лет повестка левых выглядит «давайте развивать public sphere через интернет и придумаем что-нибудь получше», это может вызвать гораздо больше вопросов.

При этом Елена Галкина отмечает, что «новые левые интеллектуалы» являются по сути самой европеизированной частью современной российской интеллигенции. Никто так органично не сможет вписаться в западные дискурсы, как наши новые левые». Хотя разъясняя этот тезис в следующих абзацах своей статьи Галкина, скорее, выносит «новым ин-

теллектуалам» уничтожающий приговор, тем не менее, едва ли кто-то из увидевших себя в данной характеристике станет с нею спорить. Быть «органично вписанным в западные дискурсы» — вещь, которая оказывается более важной, чем иметь отношение к актуальным проблемам страны, даже если под определенным углом зрения это выглядит смешно. И стоит не смеяться, а попытаться понять, как это получилось и что это значит.

Если, как утверждает Галкина, игровой характер увлечения левыми идеями в России «предстает в самом, так сказать, сферически-вакуумном виде, не замутнённом попытками саморефлексии», то это тоже заслуживает своего объяснения. Если левым оказывается удобным и комфортным это сферически-вакуумное функционирование, значит, для него, по крайней мере, есть удобное место. То, что это место оказывается таким же, а в чем-то даже более удобным, чем, используя термин Галкиной, в «интеллектуальном пространстве «ядра» глобальной капиталистической системы» при разительном отличии социальной действительности в этом «ядре» и в российской «периферии», крайне показательно. Функционирование без саморефлексии, среди прочего, означает отсутствие внешней критики идей и взглядов. Иными словами, взглядами «левых интеллектуалов» мало кто интересуется, и они не имеют приложения к практической жизни. При этом само наличие людей, исповедующих такие взгляды, видимо, говорит о том, что образовательная среда и возможности больших городов в России оставляют место и для них. Условно говоря, там пока продаются разные книги, есть люди, способные их читать и понимать, а

также кое-где попадаются бездомные на фоне шикарных новостроек, не говоря уж об уютных кофейнях.

Елена Галкина приводит примеры самоорганизации общества по крайней мере в форме протестов против точечной застройки и обращает внимание на то, что в Петербурге организаторами протестов часто выступают люди, называющие себя либералами и не стесняющиеся заявлять о своих взглядах (что бы под ними ни подразумевалось). Галкина бросает упрек левым активистам, участвующим в подобных акциях, в боязни «заявить внешнему миру о себе как носителе определенной идеологии, а значит, и обязательств перед обществом». Этот упрек примечателен прежде всего тем, что подобные протесты против точечных застроек остаются одной из немногих заметных форм протеста в мегаполисах, однако определить взгляды людей, возмущенных уродованием их локальной среды, невозможно. Это своего рода протестный «эмбрион», идеологические признаки которого могут развиться лишь после того, как протесты перейдут зародышевую стадию. Если в Петербурге «среди разрозненных пузырьков объединений самыми заметными стали либералы», причем «если разобраться в мировоззрении большинства этих «либералов», довольно быстро выясняется, что на поверку это коктейль из застарелого антисоветизма и либертарианства, преимущественно левого», то значит, что пока это просто интеллигентский протест. Поскольку коктейль из левого либертарианства и антисоветизма — набор взглядов «по умолчанию», прилагаемый к определенному типу образованных людей среднего и пожилого возраста. Эти взгляды едва ли

можно назвать последовательными и твердыми, при определенных условиях ими можно пренебречь и сказать, что подобные протесты вообще мало связаны с какой-либо идеологией вообще. Вопрос же о том, способны ли такие гражданские микропротесты вылиться в более широкие и радикальные выступления, пока спорен. Во всяком случае, новейшая российская история пока не дает этому внятных подтверждений. Надежды на «новых неформалов» или эволюцию «от обывателей к активистам» пока отступают вместе с линией горизонта. Попытки придать подобным локальным выступлениям какое-то более широкое значение и повестку, как это, например, произошло с Химкинским лесом, в итоге выливается в нечто такое, о чем неудобно говорить всерьез. По-видимому, «от грязи и сырости», если воспользоваться удачным сравнением Галкиной, не может зародиться не только социалистическое, но и любое сознание, требующее формулировки сложных целей.

Впрочем, исходным пунктом статьи Кирилла Мартынова был пример с Пикалево и приездом туда Владимира Путина. И это возвращает нас к моменту, который наиболее ярко показала дискуссия. Фактически у нас есть две России и, соответственно, две принципиально разные почвы для приложения левых идей. Плоскость, в которой жители города перекрывают трассу, протестуя против закрытия завода, кажется, не имеет точек пересечения с той, где всерьез рассуждают о прогрессивности бесплатного одалживания товарищу ноутбука или фотографирования бездомных. Причем, по большому счету, всех это устраивает. Нынешняя российская власть пока, кажется, вполне до-

вольна ролью единственного арбитра серьезных социальных споров. Ведь только в этой ситуации все скорее обратят внимание на сюжет о том, как Путин в Пикалево попросил Дерипаску вернуть ручку, а не на содержание бумаги, которую этой ручкой подписал олигарх. Кому-то можно будет рассуждать об отсутствии у протестующих прогрессивного понимания public sphere и инфантильности надежд на государство. Само же государство не будет иметь ничего против циркулирования левой идеи (носители которой гармонично могут вписаться в западные политические дискурсы) по замкнутому циклу кофеен и групп в социальных сетях. Есть подозрение, что примерно такое положение вещей наши правители и имеют в виду, когда говорят о «модернизации», «взаимодействии с гражданским обществом» и других не менее интересных вещах. И, по большому счету мало что может разубедить их в справедливости подобных взглядов.